

004602655

На правах рукописи

Ашвак Аббас

**Насилие в политическом дискурсе фундаменталистских движений в
современном арабском мире**

Специальность- 23.00.04

Политические проблемы международных отношений, глобального и
регионального развития

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2010

20 МАЙ 2010

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Аль-Джаноби Матем Мухаммед

Официальные оппоненты

доктор исторических наук

Микульский Дмитрий Валентинович

кандидат политических наук

Яшин Игорь Геннадьевич

Ведущая организация: *Институт социологии РАН*

Защита состоится << 2 >> июня 2010 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.203.20. при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, Д.10а, ауд.415.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д 6.

Автореферат разослан << 30 >> апреля 2010 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

М.Н. Мосейкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одна из серьезных проблем, касающихся насилия, заключается в том, что оно вмещает в себя целый ряд составных элементов, связанных как с самим существованием человека, так и с историей государства и культуры. Насилие возникло одновременно с появлением человечества, став частью становления индивидуума, сообщества, государства, культуры и цивилизации. Отсюда – его инстинктивные проявления в поведении подростка, различные формы насилия в семье, его запечатленность в традициях, в нормах воспитания, в «священных» текстах, в экстремистских идеологиях, радикальных движениях, тоталитарных режимах и т.п.

Насилие как демонстрация силы тесно связано с природно-инстинктивным существованием человека, как социальное явление – с возникновением человеческих сообществ, как политический феномен – со становлением и эволюцией государства, а как идея или даже философия – с развитием человеческой мысли и поиском возможных альтернатив. Вследствие этого составные элементы и различные аспекты насилия переплетаются и взаимодействуют между собой в жизни наций и государств, накладывая отпечаток на их реальную историю с ее внутренними и внешними проблемами.

Если внимательно и непредвзято взглянуть на насилие как социальный феномен, обнаружится, что обычно ему сопутствует закрытость общества, слабости закона, отсутствие свобод. Неслучайно возникли теории и философские концепции «рационального насилия», возводившие его в ранг образца политической практики, идеального воплощения свободы. Такая искаженная трактовка рационалистической идеи есть не что иное, как оборотная сторона закрытости общества, отражение диспропорции между правящим режимом и обществом, отсутствия гражданских свобод.

Иными словами, идея «рационального насилия» возникает и оформляется в качестве одного из примеров концептуального и практического противодействия состоянию закрытости, недостатка свобод и слабости закона. В подобной ситуации насилие превращается в методическую идею и практический способ, приобретающий позитивную нравственную и юридическую оценку. Такова, например, идея «революционного насилия» и тому подобные варианты, доминирующие в разного рода экстремистских, радикалистских и революционных идеологиях.

Однако исторический опыт показывает, что противодействие государственному насилию, являющемуся элементом эволюции правящего режима, с помощью революционного насилия, диктуемое идеологическими постулатами, чаще всего приводит к возникновению системы насилия, противоречащей самой функции государственной власти, т.е. к результату, прямо противоположному тому, который провозглашался данной идеологией.

Это противоречие можно наблюдать не только в рамках национального государства, но и в мировом масштабе. Такова, например, глобализация с ее разнообразными порождениями. Насилие и контрнасилие органично присущи глобализации, которой свойственно преобладание идеи гегемонии как средства и как конечной цели. Глобализация устремлена к тому, чтобы выработать «рациональную» формулу разделения труда и интересов, выстроить «новый мировой порядок». Но это есть не что иное, как попытка возродить, пусть в несколько облагороженном виде, сущность и традиции отношений «центр – периферия». Это противоречивый исторический процесс, который заключает в себе разнообразные верования, но на данном этапе он все еще пребывает в контексте преобладания частичных (не всеобщих) интересов.

Все это указывает на сложный характер феномена насилия. Если глобализация – объективный процесс, являющийся естественным результатом эволюции мировой истории, развития государства, нации, политической системы, философских идей, идеологии и культуры, то организованное насилие, возведенное в ранг духовно-нравственного кредо и политической идеи, представляет собой очевидную угрозу. С одной стороны, оно отражает сохраняющиеся традиции рационализма, а с другой – воспроизводит их, увязывая их с религиозными верованиями. Вследствие этого оно наиболее пагубно воздействует на сознание, разрушает разум и подрывает нравственное чувство, становясь кульминацией одной из самых крайних и иррациональных форм сознания и политической практики.

Прямо или косвенно идея насилия порождает тоталитарные механизмы особого рода – что наглядно прослеживается на примере радикальных религиозно-политических фундаменталистских движений. Отсюда вытекает необходимость исследования данного феномена и его перспектив, уделяя внимание его историческому контексту, предпосылкам появления, методам действия и причинам влияния.

Вместе с тем, хотя за феноменом насилия стоят серьезные экономические, социальные, политические и культурные предпосылки, они не обязательно порождают насилие в любом государстве или сообществе государств. Тем не менее, они могут стать плодородной почвой для распространения насилия, едва к этому возникнут внутренние или внешние побудительные мотивы. Чаще всего решающими факторами ориентации общественного и политического сознания в направлении насилия являются культура и идеология.

Если взглянуть на ситуацию, имеющую место в современном арабском мире, мы увидим, что феномен насилия проявился здесь начиная со второй половины двадцатого века в силу комплекса экономических, социальных, политических и культурных (традиционно-религиозных) предпосылок. Негативные социально-экономические факторы сыграли важную роль в том, что насилие стало распространенным явлением в современном арабском мире, превратившись в одно из наиболее заметных способов протеста против неблагоприятного положения массы населения.

Всем этим предопределяется актуальность исследования. В своей работе мы проследили, какие факторы стимулируют насилие, пропагандируемое и применяемое исламскими фундаменталистскими движениями, что помогает им придавать насилию легитимный характер, превращать его в важнейшее средство достижения своих целей и даже возводить его в ранг священных ценностей, отождествляя его с понятием джихада. Кроме того, актуальность исследования определяется необходимостью изучить инструменты воздействия фундаменталистских движений на общественное сознание. Это важно для того, чтобы понять природу и механизм фундаменталистского насилия, то есть исследовать насилие как социальных феномен, используемый исламскими фундаменталистскими движениями в политических целях, а также как политический феномен, который может быть использован в социальных целях в современном арабском мире.

Степень научной разработанности темы исследования. Методы и уровни исследования феномена насилия были весьма разнообразными. Это предопределялось сложностью, комплексностью данного явления, которое привлекало и продолжает привлекать внимание представителей самых разных научных дисциплин – таких, как философия, социология, психология, история, политология и др. Кроме того, этой темой интересовались представители разнообразных творческих профессий: писатели, поэты, драматурги, кинематографисты и т.д.

Поскольку проблематика насилия тесно связана с властью, государством и обществом, постольку к этому феномену проявляют наибольший интерес политология, социология вообще и социальная философия в частности.

Этой проблематике уделялось значительное внимание различными философскими школами. Они исследовали различные аспекты насилия: политические, социальные и личностные. Если философия в целом уделяла главное внимание методологическим параметрам анализа проблемы насилия, в особенности его политических и социальных аспектов, то эти же аспекты представили главный интерес для современной политологии и социологии.

Появилось много специализированных исследований, посвященных проблематике насилия, таковы, например, работы Чарльза Риверы и Кеннета Свитцера, Эдварда Мюллера, Ван ден Хагга, Мидларски, Нилссон Р. Голдстон Б., Шварц М.¹. Если этим трудам присущ идейно-теоретический характер, то в большинстве прикладных исследований на европейских языках данный феномен рассматривается так, как он воплощается на европейском и американском Западе, особенно в Германии и Италии.

В то же время увеличивается количество работ, посвященных понятию и сущности фундаментализма (например, работы Почты Ю. М.)², предпосылкам возникновения, религиозно-политического экстремизма и фундаментализма³ (например, работы Мирского Г. Семеновой, О.А. Антоун Р. Веинберг Л. Педэхзур А.)⁴, исламского фундаментализма (например,

¹ R. Anders Nilsson. *Political Violence in Post-Conflict Societies: Remarginalisation, remobilisers and relationships*, New York, Hardback (Routledge), December, 2010; Brian Goldstone. *Violence and the Profane: Islamism, Liberal Democracy, and the Limits of Secular Discipline*, *Anthropological Quarterly*, 2007; Amartya Sen. *Identity And Violence: The Illusion Of Destiny*, Penguin Group (UK), 2006; Marcy E. Schwartz. *Violence and Ethics*, Austin: U of Texas, The Johns Hopkins University Press, 2003; Bruce B. Lawrence. *Shattering the Myth: Islam beyond Violence*, Princeton, Princeton University Press, 2000; Manus I. Midlarsky. *Rulers and Ruled: Patterned Inequality and the Onset of Mass Political Violence*, *American Political Science Review*, vol., 82, no 2, 1988. Edward N. Muller: *Income Inequality, Regime Repressiveness and Political Violence*, *American Sociological Review*, vol., 50, no. 1, February 1985; Charles Rivera and Kenneth Switzer: *Violence*, New Jersey, Hayden Book Company, 1976; Ernest Van Den Hagg: *Political Violence and Civil Disobedience*, New York, Harper Torch Book, 1972.

² Почта Ю. М. *Фундаментализм – угроза или спасение? В //кн. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы.* –М. РОССПЭН. 2009. (в соавт. с Мальковской И.А.)

³ Мирский, Г. *Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Мировая экономика и междунар. отношения.* - М., 2008. - №9; Семенова, О.А. *Исламский фундаментализм как течение политической мысли: генезис, идеи, этапы и тенденции развития // Вестн. моск. Ун-та. Сер. 12, Полит. науки.* - М., 2007. - №1; Алексеев, И. *Собирание расколотой уммы: фундаментализм как ринтерпретация исламской истории // Ab imperio.* - Казань, 2004. - № 3.

⁴ Richard T. Antoun: *Understanding fundamentalism: Christian, Islamic, and Jewish movements*, Middle East Quarterly, New York, 2008; Ralph W. Hood Jr., Peter C. Hill, W. Paul Williamson. *The Psychology of Religious Fundamentalism*, Guilford Press, 2005; *Fundamentalism and the Limits of Modern Rationalism*, Princeton University Press, 2004; Leonard Weinberg, Ami Pedahzur. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*, London. Publisher: Frank Cass, 2004; Gerrie Ter James J. Busuttill Haar. *The Freedom to Do God's Will: Religious Fundamentalism and Social Change*, Routledge, 2002

работы Милтон Эдвардс Б. Кац С. Зейдан Д.)⁵, особенностям фундаменталистского насилия и террора и его перспективам (например, работы Аль-Джанани М.М., Ланды Р.Г.)⁶.

Тем не менее, появление «феномена исламизма» привело к громадному росту числа исследований, касающихся насилия – правда, сосредоточивших внимание лишь на «исламском терроризме»⁷.

В других работах главное внимание уделяется глобальным параметрам терроризма; здесь исследуются аспекты терроризма как явления, сопряженного с международными отношениями⁸.

Появилось также много кандидатских и докторских диссертаций, в которых затрагиваются различные аспекты насилия. Большинство из них посвящено насилию в семье, в гражданских отношениях, в преступном мире и т.д. Что касается диссертаций, касающихся проблем социального и политического насилия, то их темы весьма различны: это и исследование феномена насилия исходя из критериев исторического развития, и на социально-классовом уровне, и в общемировом масштабе (политика и глобализация), и в контексте военных конфликтов, и т.п.⁹.

⁵ Beverly Milton-Edwards. *Islamic Fundamentalism since 1945*, New York, Publication Year, Publisher Routledge, 2004; Samuel M. Katz. *Jihad: Islamic Fundamentalist Terrorism*, Lerner, 2004; Beverly Milton-Edwards, Roxanne L. Euben. *Enemy in the Mirror: Islamic David Zeidan. The Resurgence of Religion: A Comparative Study of Selected Themes in Christian and Islamic Fundamentalist Discourses*, Brill, 2003; Barry M. Rubin : *Islamic fundamentalism in Egyptian politics*, International Journal of Middle East, New York, 2002.

⁶ Аль-Джанани М.М. Ирак и будущее. – Багдад, 2009 (на арабск. яз.); Аль-Джанани М.М. Безумие священного террора. Фундаментализм без фундамента. – Багдад, 2006 (на арабск. яз.); Ланда, Р.Г. Политическая культура и насилие в мире ислама // *Ближний Восток и современность*. - М., 2004. - Вып. 23; Ланда, Р.Г. Истоки и тенденции развития исламского терроризма // *Ближний Восток и современность*. - М., 2003. – Вып. 17.

⁷ John Horgan, Kurt Braddock: *Terrorism Studies*, New York, Imprint: Routledge, 2010; Stephen Vertigans. *The Sociology of Terrorism: Peoples, Places and Processes*, New York, Imprint: Routledge, 2010; Javier Argomaniz. *The EU and Counter-Terrorism: Politics, Polity and Policies after 9/11*, New York, Hardback (Routledge), 2010; Barry Cooper. *New Political Religions, Or, an Analysis of Modern Terrorism*, University of Missouri Press, 2004; Don J. Feeney. *Creating Cultural Motifs against Terrorism: Empowering Acceptance of Our Uniqueness*, Praeger, 2003; Другов А.Ю. *Вопросы генезиса и динамики исламского экстремизма и терроризма на примере Индонезии*. - М., 2003; Глущенко, Ю.Н. Исламский фактор во внешней политике США: трагедия 11 сентября как бумеранг "холодной войны" // *Проблемы внешней и оборонной политики России*. - М., 2002; Коровиков А.В. *Исламский экстремизм в арабских странах*. - М., Наука, 1999.

⁸ Степанова, Е. *Исламский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс безопасности = Security ind. М. и др., 2007. - Т. 13, №1; Мельни, Н.Дж. Ислам, конфликты и терроризм // Ежегодник СИПРИ = Sipri yearbook : Вооружение, разоружение и международ. безопасность. - М., 2007; Медведко Л.И. *Международный терроризм – составляющая антиглобалистского движения*. М. Крафт +, 2003; Мирский, Г.И. *Международный терроризм, исламизм и палестинская проблема*. - М., 2003. Кривохижа, В.И. *Современный мир и международный терроризм в условиях глобализации // Дипломатический ежегодник*. - М., 2003.*

⁹ Мочалин Николай Дмитриевич. *Эскалация террористического насилия в мире в эпоху глобализации: истоки, факторы, тенденции*. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 Москва, 2006; Мельников Владимир Юрьевич. *Военное насилие в региональных и локальных конфликтах современности*: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Москва, 2005; Ахтаев Абдула Мовлыдыевич. *Культурная легитимация политического насилия в процессах глобализации*: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06: Ростов н/Д, 2004; Шевченко Оксана

Однако в большинстве этих работ насилие не рассматривается как комплексный феномен и не выработаны конкретные, четкие критерии анализа этого явления, его параметров и следствий. Кроме того, данный феномен не исследуется в его развитии и взаимодействии – как вообще, так и, в частности, в том, что касается его специфики у исламских фундаменталистских движений в современном арабском государстве. Между тем следует определить концептуальные и практические критерии подхода к феномену насилия, от которых зависит методика исследования.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего диссертационного исследования заключается в том, чтобы исследовать механизм использования идеи насилия в дискурсе и общественно-политической практике исламских фундаменталистских движений в современном арабском государстве. Достижение данной цели связано с решением следующих научно-практических задач:

- показать, как определялось насилие различными философскими и общественно-политическими школами и направлениями;
- вскрыть взаимосвязь между фундаменталистской идеологией и идеей насилия;
- исследовать и проанализировать предпосылки приятия фундаменталистского насилия общественным сознанием в современном арабском государстве;
- провести сравнительное полевое исследование взаимозависимости между фундаменталистским насилием и социально-политической действительностью в современном арабском государстве;
- дать прогноз относительно перспектив фундаменталистского насилия.

Объектом диссертационного исследования выступает идея насилия и пути ее использования исламскими фундаменталистскими движениями в современном арабском государстве.

Предметом диссертационного исследования служит прежде всего идеология и социально-политическая практика фундаменталистских движений вообще и организации «Аль-Каида» в качестве примера – в частности.

Методология диссертационного исследования. Ввиду комплексного характера феномена насилия и взаимопереплетенности его параметров и проявлений, особенно в том, что касается его религиозно-политического использования исламскими фундаменталистскими движениями, в

Вадимовна. Феномен насилия в международно-политических конфликтах современности: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04; Москва, 2004; Ибрагимов Радий Назирович. Проблема социального насилия как фактор исторического процесса: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 ; Абакан, 2003; Сырых Елена Львовна. Роль и значение насилия в культуре: Дис. ... канд. культурологических наук: 24.00.01; Челябинск, 2003.

диссертации был использован ряд научных методов, важнейшие из которых можно свести к следующему:

- **исторический** метод использовался при рассмотрении исторической эволюции феномена насилия и при анализе наиболее крупных трудов, в которых обосновывалась и интерпретировалась идея насилия. В особенности это относится к первой и третьей главам диссертации;

- **аналитический** метод. Этот метод использовался в нескольких разделах диссертации, особенно в ходе анализа информации, касающейся феномена насилия и количества насильственных актов, а также данных о фундаменталистских движениях и о социально-экономическом и политическом положении современных арабских стран, в частности во второй и третьей главах диссертации;

- **сравнительный** метод был использован при сопоставлении примеров, исследованных в диссертации, виднейших идейных школ, обращавшихся к феномену насилия, а также при сравнении информации о насильственных актах со статистическими данными, полученными в ходе исследования;

- **статистический** метод был применен в ходе статистического обследования, проведенного в семи арабских государствах (Сирия, Иордания, Палестина, Ирак, Йемен, Египет и Алжир) и охватившего 1400 респондентов. Данный метод использован в третьей главе.

Кроме того, автором были использованы классические труды философов, политологов и социологов, затрагивающие проблематику насилия. Используются и произведения идеологов фундаменталистских движений – таких, как Хасан аль-Банна, Сейид Кутб, аль-Мавдуди и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отсутствие рациональной и демократической системы политической интеграции общественно-политических слоев является одной из коренных причин нарастания политико-мировоззренческого радикализма вообще и политического экстремизма в частности.

2. Отсутствие мирной политической жизни в современном арабском мире и отдельных его государствах привело к возникновению насилия как феномена, параметры которого не сводятся лишь к политике, но затрагивают также социальные и иные аспекты.

3. Активизация использования насилия путем его легитимации современными фундаменталистскими движениями тесно связана с нарастанием и углублением кризиса политической системы и ее легитимности в современных арабских государствах. Следовательно, вероятно нарастание насилия на разных уровнях и с разной степенью интенсивности в каждом отдельном арабском государстве, причем его формы и масштабы зависят от того климата и тех причин, которые выводят его на передний план.

4. Существует корреляция между нарастанием социально-экономического и политического кризиса и готовностью различных общественных слоев к приятию идеи насилия в том виде, в котором его пропагандируют и применяют фундаменталистские движения.

5. Насилие стало неотъемлемой частью идеологии и методики современных исламских фундаменталистских движений.

6. Сохранение или снижение эффективности насилия у современных фундаменталистских движений в значительной степени будут зависеть от того, удастся ли создать рациональную и легитимную альтернативу существующему государству, его политической системе и общественным отношениям.

Научная новизна диссертационного исследования проявляется в следующем:

*насилие подвергнуто исследованию как комплексный феномен, затрагивающий не только политику, но и социальные, культурные и религиозные аспекты;

*насилие исследовано как социальный феномен, который может использоваться в религиозно-политических целях. В диссертации не только изучены его различные проявления, но и определены стимулирующие его причины и пути использования насилия исламскими фундаменталистскими движениями в современном арабском государстве;

*показано, как идея насилия превращается у исламских фундаменталистских движений в цель и метод их теоретической и практической деятельности, используется для воздействия на общественное сознание в современном арабском государстве;

*вскрыт характер взаимозависимости между распространением исламских фундаменталистских движений и нарастанием насилия, с одной стороны, и неудовлетворительной общественно-политической и экономической ситуацией – с другой, показано, как именно насилие превращается в неотъемлемую органичную идею и средство в идеологии и практике современных исламских фундаменталистских движений;

*выводы, сделанные автором, подкреплены исследованием корреляции между тремя основными показателями: распространенность исламских фундаменталистских движений, нарастание социального и политического насилия и бытовое, социальное и политическое положение в стране. Для этого использованы официальные доклады ООН, соответствующие статистические данные, касающиеся арабского мира, а также опрос 1400 респондентов в семи арабских государствах (Ирак, Сирия, Палестина, Иордания, Йемен, Египет и Алжир);

*показано, что рациональная и легитимная альтернатива государству, политической системе и общественным отношениям в современном арабском мире обеспечит снижение действенности насилия в его фундаменталистской трактовке.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она вносит вклад в научное исследование и анализ феномена насилия, в частности у фундаменталистских движений, а также в том, что она затрагивает различные аспекты насилия, изучаемые политологией, сравнительной политологией и политической социологией.

Практическое значение исследования заключается в том, что содержащиеся в нем выводы могут быть использованы для изучения проблематики насилия, особенно его практического применения современными политическими движениями, в первую очередь религиозно-политическими группировками в арабском мире. Кроме того, диссертация может быть использована при преподавании курсов таких научных дисциплин, как политическая социология, сравнительная политология и вайоленология. Материалы диссертации можно использовать при подготовке специализированных лекций о политической жизни и проблемах арабского мира, а также по конфликтологии. Кроме того, содержащиеся в ней выводы могут оказаться полезными при выработке практических рекомендаций по преодолению насилия как феномена.

Апробация диссертационной работы. Некоторые положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в научных публикациях автора. Диссертация обсуждена на заседании кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов 23 марта 2010 г.

Структура работы определяется поставленными задачами и целями и исследования и включает в себя введение, три главы, заключение и библиографию.

Основное содержание работы

Во *введении* обосновывается актуальность избранной темы, определяются цель, задачи, объект, предмет, методологические и теоретические основы исследования, выявляется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая – «Насилие и его политические формы в современном арабском мире» - включает в себя два параграфа. В ней исследуются и анализируются понятие насилия, его причины, приводятся определения, дававшиеся насилию в различных философских теориях и современных научных трудах, а также предпосылки насилия в современном арабском мире.

В первом параграфе – «Понятие насилия в современной философской и политической мысли» - понятие насилия анализируется

путем исследования и сопоставления наиболее видных философских, политологических и социологических концепций и школ, обращавшихся к этому феномену – в частности, марксизма (Маркс, Энгельс, Ленин), анархизма (Гудвин, Герберт Спенсер, Кропоткин, Прудон, Каспер Шмидт, Бакунин) и психоанализа (Фрейд и его ученики, Уилсон). Кроме того, приводятся определения, дававшиеся насилью виднейшими европейскими социологами и политологами (Чарльз Ривера, Кеннет Свитцер, Эрнст ван ден Хагг, Лаланд, Дж. Лоуренс, Мидларски, Эдвард Мюллер). Приводятся также определения насилия, содержащиеся как в российских словарях («Словарь русского языка» Ушакова, Большой российский юридический словарь, Большая Советская Энциклопедия), так и в мировых словарях и энциклопедиях (Научная энциклопедия “Universal”, Словарь английского языка «Рэндом Хаус»), а также в таких арабских изданиях, как «Арабский философский словарь», «Словарь терминов по общественным наукам», «Политическая энциклопедия». Были сопоставлены определения, дававшиеся насилью различными школами и направлениями, и разъяснены существующие между ними различия.

Автор исходит из того, что насилие представляет собой один из наиболее заметных социальных феноменов в современной истории, который необходимо подвергнуть исследованию и критике. Явление это не новое, оно обладает собственной историей, сопряженной с историей государства, общества и мысли. Поэтому оно нашло прямое или косвенное отображение в философских, социологических, политологических, психологических и иных трудах. В периоды крупных исторических трансформаций, резких поворотов в жизни наций и государств насилие приобретает сложный, комплексный характер. Неслучайно проблематика насилия занимает важное место в современных научных исследованиях. Особенно актуальной она стала после того как насилие приобрело «глобальный» характер, выйдя за рамки внутригосударственных общественно-политических отношений, что сопровождалось расширением и углублением социальных, политических, культурных и цивилизационных конфликтов. В свою очередь, это повлекло за собой появление новых видов и форм насилия, которые, тем не менее, в конечном счете по-прежнему опираются на предпосылки возникновения феномена насилия как такового.

В ходе исследования и сопоставления различных определений сущности насилия автор приходит к выводу о том, что они, как правило, трактуют феномен насилия в самом общем смысле, не делая его предметом той или иной научной специализированной дисциплины. Каковы бы ни были причины этого, в диссертации делается вывод о том, что феномен насилия стал предметом и объектом социологии и политологии лишь недавно – несмотря на то, что он имеет давнюю историю, связанную с историей человечества, общества и государства.

Проанализировав и сопоставив между собой отношение анархизма, марксизма и фрейдизма к проблеме насилия, автор делает вывод о том, что каждая из этих школ по-своему понимала и трактовала этот феномен. Все они с той или иной степенью точности и глубины подошли к объяснению реальных причин данного явления, однако каждая из них попыталась выдать свою ограниченную, частичную трактовку за всеобъемлющую или, по крайней мере, отвергала или игнорировала иные аспекты. В основном каждая из названных школ заслуживает критики за то, что опиралась на частичное видение или какой-то один критерий анализа этого составного феномена, параметры и проявления которого тесно переплетены между собой. Тем самым частичный подход представлялся ими как обобщающий.

Такую критику можно отчасти адресовать и современным теориям, рассмотренным автором в диссертации. В ходе их исследования и сопоставления мы пришли к выводу о том, что в большинстве современных концепций насилие не рассматривается как составной феномен и не выработаны определенные критерии анализа его параметров и следствий.

По мнению автора, насилие – это сложный, многосоставный феномен, результат сочетания внутренних, психологических индивидуальных факторов с внешними условиями обитания человека. Будучи результатом личных психологических причин и мотивов, насилие в то же время подпитывается многочисленными факторами, связанными с социальными отношениями человека и с политической системой, в рамках которой он существует. Внешние условия (в особенности общественно-политические) зачастую побуждают индивида прибегнуть к насилию в составе того или иного общественного или политического движения, однако для этого необходимо, чтобы данный индивид счел насилие приемлемым средством достижения своих целей. Это не только производное его внутреннего, психологического мира, но и результат общественных отношений и условий, в которых он живет. Насилие – это следствие взаимодействия всех этих факторов, побуждающих человека прибегнуть к нему (как индивидуально, так и в составе организованной группы), чтобы выразить свое мнение, заявить о своем неприятии окружающей его действительности или добиться своих целей, которые он считает справедливыми и правомерными.

Автор рассматривает насилие сквозь призму пяти взаимосвязанных критериев – поведенческого, целевого, институционального, количественного и организационного.

Поведенческий критерий связан с характером насилия и формой его осуществления: это могут быть волнения, беспорядки, мятежи и т.п.

Целевой критерий связан с целями и мотивами насильственных действий. Это могут быть социальные, политические, экономические, религиозные, криминальные цели, а иногда несколько целей одновременно.

Институциональный критерий предполагает анализ различных видов насилия с использованием тех или иных средств, как со стороны властей, так

и со стороны иных акторов. Насилие может осуществляться государством как внутри страны, так и на региональном или международном уровне.

Количественный критерий учитывает число лиц, участвующих в насильственных действиях. Можно говорить об индивидуальном или ограниченном насилии, которое осуществляется одним лицом или небольшим числом лиц, а также о коллективном насилии, осуществляемом социальными группами и слоями.

Последний, организационный критерий позволяет отделить организованное насилие от спонтанного. Если организованное насилие осуществляется путем военных переворотов, спланированных покушений, террористических актов, взрывов, нацеленных на устранение тех или иных значимых деятелей, то спонтанное насилие чаще всего представляет собой временную реакцию на те или иные условия и обстоятельства; это могут быть демонстрации, волнения, беспорядки и иные акции протеста.

Подводя итог этому разделу диссертации, автор делает вывод о том, что насилие с его разнообразными проявлениями носит комплексный характер и может выражаться в различных формах и иметь различные виды. Поэтому при его классификации нельзя ограничиваться каким-либо одним критерием. Критерии могут различаться в зависимости от того, под каким углом зрения рассматривается тот или иной феномен, а также от масштабов насилия, состава его участников, их целей и мотивов.

Второй параграф озаглавлен «Предпосылки и причины насилия в современном арабском мире». Он посвящен исследованию причин насилия в современном арабском государстве. Автор исходит из того, что роль скоро насилия по своей сути является комплексным феноменом, результатом взаимодействия субъективных личностных или групповых факторов с внешними факторами и условиями, то, поняв механизм этого взаимодействия, можно спрогнозировать вероятный масштаб, характер и степень интенсивности предполагаемого насилия.

В общеметодологическом плане можно говорить о наличии крупных и постоянных предпосылок и причин насилия: это экономические, социальные, политические и культурные предпосылки и причины. Однако эти общие и устойчивые предпосылки не обязательно приводят к возникновению феномена насилия в любом государстве или сообществе государств. В то же время можно заметить проявления насилия на различных уровнях в истории одного и того же государства. Это позволяет говорить о том, что возникновение и нагнетание насилия обуславливаются несоответствием между этими предпосылками (которые сами по себе нейтральны) и тем, как преломляются или какое влияние оказывают культурные традиции. Приложив этот вывод к ситуации в современных арабских государствах, автор приходит к тому выводу, что внутри каждого арабского общества имеются предпосылки к осуществлению насилия, масштабы, уровни и

формы которого зависят от наличия соответствующего климата и обстоятельств, выдвигающих насилие на передний план.

Так, политические предпосылки к распространению насилия сводятся в основном к ситуации структурного кризиса современного арабского государства. Это проявляется, в частности, в отсутствии демократических порядков, мирной передачи власти, партийного плюрализма, в слабости гражданского общества. К этому добавляются традиции чрезмерного применения силы для противодействия возможным «вызовам», к каковым причисляются все формы политического протеста.

Политическое фиаско как государственных, так и общественных институтов породило тенденцию к тому, чтобы заявлять о целях, стремлениях и интересах посредством материального или условного насилия. В свою очередь, общество в этих условиях склоняется к тому, чтобы заявлять о себе и о своих предпочтениях путем овладения инструментами контрнасилия и применения этих инструментов. В результате арабское общественно-политическое поле стало вмес­ти­ли­щем разнообразных внутренних конфликтов; в нем присутствуют различные проекты использования насилия, взаимного отвержения, а следовательно нарастают противоречия и столкновения. Таким образом, отсутствие мирной политической жизни в современном арабском государстве приводит к появлению феномена насилия, которое не ограничивается политикой, но распространяется также на сферу общественных отношений и иные области.

В этом контексте можно понять причины экстремистского прочтения религиозных текстов: оно связано с политическими, социально-экономическими и культурными условиями, преобладающими в современном арабском государстве. Экстремистская интерпретация таких текстов объясняется как личными особенностями интерпретатора, так и обстоятельствами интерпретации, а также теми целями и намерениями, которыми он руководствуется. В закреплении такой ситуации важную роль играет характер преобладающей культуры, ее общая направленность. В этой культуре широко представлено то, что можно назвать фундаменталистскими тенденциями; окрепнув и распространившись, фундаментализм в связи с нарастанием политического радикализма властей на протяжении второй половины двадцатого века превратился в своего рода «дремлющую структурную компоненту» общественного сознания.

Исследование привело нас к выводу о том, что радикально-фундаменталистские религиозные подходы стали подлинной «колыбелью» насилия, питательной средой для отторжения «другого». Культура, которая порождает социальное отторжение, культурное неприятие, полное отделение от инакомыслящих – это культура, порождающая насилие. В связи с этим главная причина возникновения феномена насилия в арабском мире – это причина религиозно-культурная. Сочетание религиозно-мировоззренческого фанатизма с культурным и идейным засто­ем, за­дей­ство­вание этого

фанатизма через лозунги джихада (религиозного и политического) оказывают существенное, порой решающее влияние, подпитывая ориентацию на насилие.

Вторая глава диссертации – «Сущность и политический дискурс современных исламских фундаменталистских движений» - состоит из трех параграфов. В ней исследуется зарождение современных исламских фундаменталистских движений, их сущность, общие принципы и постулаты, определяющие их программные цели и интересы. Здесь также рассмотрено место насилия в теоретических и практических подходах фундаменталистских движений, определяются причины их распространенности в современных арабских государствах, анализируется их способность оказывать моральное и идейное влияние на широкие общественные слои, мобилизуя их на достижение своих целей.

Первый параграф второй главы озаглавлен «Сущность исламского фундаментализма и исторические предпосылки его возникновения». В нем автор указывает на то, что термин «фундаментализм» стал употребляться достаточно широко, особенно в последнее время. Причем смысловая нагрузка, вкладываемая в этот термин, часто бывает неточна. Фактически слово «фундаментализм» употребляется в разных смыслах, в результате чего данное понятие перестает четко описывать то явление, которое под ним подразумевается. Неслучайно оно подчас распространяется на явления, не имеющие сущностного отношения к идее фундаментализма. В результате слово «фундаментализм» приобрело смутное, туманное значение, которое меняется в зависимости от позиции употребляющих его и воспринимающей его аудитории. Смысл данного термина менялся соответственно обстоятельствам, особенно в религиозно-политической сфере. В последнее время распространилось употребление термина «фундаментализм» применительно лишь к религиозным позициям, хотя существуют многочисленные иные типы фундаментализма¹⁰. Некоторые западные авторы склоняются к тому, чтобы сузить это понятие, свести его к конкретным религиям и культурам, в частности прилагая его к исламу и мусульманам. Слово «фундаментализм» сегодня практически непосредственно ассоциируется с исламистскими группировками, особенно в сознании тех, кто подвергся воздействию западных СМИ. Между тем логика научного исследования не позволяет смешивать феномен современного исламского фундаментализма и обращение к тем или иным религиозным первоосновам, чтобы вдохновляться ими, опираться на них или применять их на практике в соответствии с требованиями времени.

Автор определяет главные причины появления современных исламских фундаменталистских движений с 70-х годов двадцатого века, с наступлением

¹⁰ Почта Ю. М. Фундаментализм – угроза или спасение? В //кн. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. –М. РОССПЭН. 2009. (в соавт. с Мальковской И.А.). С.360-377.

эпохи «нефтяного бума». Тогда начал исчезать средний класс, служивший социальной опорой политической системы арабского мира, и появились признаки зависимости арабских государств в их современном виде от мировых капиталистических держав. Действия властей привели к обнищанию населения, осуществлялось тотальное насилие со стороны деспотических режимов. Следствием этого стало резкое социально-экономическое размежевание: общество разделилось на высший и низший классы. Возникло зависимое потребительское общество. К этому добавились поражения, нанесенные арабам Израилем и стоящими за ним местными и глобальными силами, а также крушение социалистической системы как исторической альтернативы мировому капиталистическому строю. Все это в совокупности стало питательной средой для возникновения и усиления фундаменталистских движений, которые использовали главным образом религиозно-революционизирующий дискурс, призывая бороться с упадком и отсталостью арабских стран, вызванными якобы отходом от «истинного» ислама. Это способствовало их быстрому распространению в среде бедняков и люмпенских слоев, видевших в фундаментализме путь к реальному преодолению своего плачевного состояния. На передний план вышел лозунг джихада против «сил высокомерия» как внутри арабского мира, так и за его пределами.

В этом параграфе также определяются важнейшие черты современных исламских фундаменталистских движений, рассматриваются такие их отличительные особенности, как фанатизм, закрытость, неприятие инакомыслия, огульное обвинение в неверии, т.е. резкое деление мира на «дозволенное» и «запрещенное» в религиозном смысле, на правоверных и всех остальных и т.п.

Во втором параграфе, озаглавленном «Важнейшие политические принципы идеологии исламских фундаменталистских движений», отмечены такие важнейшие черты и составляющие компоненты фундаментализма, как застывший характер, нетерпимость, обращенность в прошлое, приверженность старому наследию.

Автор отмечает, что фундаменталисты, как правило, представляют свои идеи как божественное послание к верующим, призванное помочь им покончить с коррупцией и моральным разложением, вернуться на «прямой путь». Свою миссию они видят в том, чтобы наставить правоверных и привлечь к истинной вере «заблудших», «отступников» и «неверных». Свои подходы они считают единственно правильными, полагают, что обладают истиной в последней инстанции. Соответственно они не признают за всеми остальными права на собственное мнение. Вследствие этого фундаменталисты создают атмосферу противостояния, конфронтации, а отнюдь не сотрудничества, взаимопонимания и взаимной терпимости; основным средством достижения своих целей они считают насилие.

Автор указывает на такую важную особенность фундаменталистских движений, как двойственность подхода ко всякому обществу, в котором они действуют, обеспечивающую достижение их главной цели – построение «истинно исламского общества». В связи с этим в диссертации уделяется внимание одному из важнейших принципов исламского фундаментализма – обращению к религиозным текстам как к «вечной истине», абсолютно непогрешимой и пригодной для любого времени и места. При этом для доказательства своей правоты и «неверия» всех несогласных зачастую используются отдельные фрагменты таких текстов, вырванные из их исторического контекста. Как правило, подходы и высказывания фундаменталистов носят идеалистический, фантастический характер, а их идеологические воззрения представляются образцом совершенства, который может быть не только понят и усвоен людьми, но и воплощен в земной жизни.

Фундаменталистские течения можно рассматривать как современные политические движения: они соединяют воинственный экстремизм, сопротивляющийся переменам и обновлению и нацеленный на возрождение идеального прошлого, с приспособлением к реальной действительности.

Исследование данной стороны вопроса привело автора к той мысли, что исламский фундаментализм представлен организованными политико-идеологическими движениями, которые располагают собственными социально-экономическими программами. Их участники больше говорят о заботах и проблемах современности, чем о первоначальном исламе. Даже рассуждая об этом исламе, они прилагают такие рассуждения к конкретной действительности, придавая им «сакральный» характер и усиливая тем самым воздействие на умы верующих. Это позволяет им найти особый язык общения с массами. Сталкиваясь с критикой извне, фундаменталистские группировки объявляют ее критикой «святыни», на которой они якобы основываются, причем это распространяется не только на мировоззренческие вопросы, но и на социально-экономические, образовательные и политические программы. Отсюда следует резкая реакция на всякую оппозицию, стремление расправиться с инакомыслящими и отомстить несогласным.

В третьем параграфе – «Политический дискурс современных исламских фундаменталистских движений» - рассматриваются особенности общего дискурса исламского фундаментализма. Автор отмечает, что большинство исследователей исламских фундаменталистских течений, как правило, рассматривают их как застывшие «окаменелости», изолированные от реальной среды, цепляющиеся за прошлое в попытке противостоять переменам. Однако действительность далека от подобных представлений. Фундаменталистские группировки в целом динамично взаимодействуют с современной социальной и культурной средой. Правда, такое взаимодействие бывает разным по интенсивности и по характеру в зависимости от вида и масштабов внешних влияний – как локальных, так и

региональных и международных. Можно сказать, что судить об уровне взаимодействия фундаменталистов с обществом можно по масштабам их вовлеченности в политический процесс.

Проанализировав дискурс исламского фундаментализма на примере организации «Аль-Каида», автор приходит к выводу о том, что в нем присутствуют четыре главные идеи: всемирность ислама, невежество мира, джихад и мир (в смысле отсутствия войны).

Понятие всемирности ислама подразумевает, что необходимо добиваться утверждения ислама во всем мире. Мир сегодня пребывает в невежестве, т.е. как бы живет в эпоху джахилии, аналогичную той, что существовала до возникновения ислама; эту ситуацию необходимо изменить. Средством к такому изменению является джихад. Наконец, четвертая идея – «мир» - обозначает как путь к достижению высшей цели (всемирности ислама), так и результат ее осуществления; иначе говоря, мир наступит тогда, когда истинный ислам восторжествует во всем мире. По мнению идеологов фундаменталистских движений (Хасан аль-Банна, Сейид Кутб, аль-Мавдуди и др), всемирность ислама и невежество мира не могут сосуществовать: одно из них исключает другое. Что касается джихада и мира, то они являются не самоцелью, а средствами, которые должно использовать при определенных условиях и в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Исламский фундаментализм рассматривает все существующие сегодня на земле общества как джахилийские. Даже те государства, которые называют себя мусульманскими, погрязли в невежестве. Следовательно, необходимо бороться против них, распространяя «чистый» ислам. А оптимальным путем к торжеству ислама во всем мире и преодолению джахилийского невежества является активизация идеи джихада (борьбы за веру).

В фундаменталистском дискурсе обосновывается идея о том, что ислам в своем противостоянии джахилии не ограничен временем или местом. Он изначально нацелен на то, чтобы искоренить невежество людей, создать новую, устойчивую конструкцию мира. Противодействие джахилии, или джихад, есть характерная черта религии ислама, особенность исламской уммы, долг всех мусульманских народов и государств. Чтобы вести джихад, необходима духовная, экономическая и военная готовность к нему; он требует осуществления идейной революции, ментального переворота и постоянного пребывания в полной готовности. Чтобы обеспечить такую готовность, нужно создать исламское государство, которое возьмет на себя обязанность защищать мусульман и возвышать слово Аллаха. Таким образом, джихад, предполагающий узаконенное насилие, становится у фундаменталистов нравственной обязанностью мусульманина.

Глава третья - «Особенности и уровни насилия у фундаменталистских движений» (на примере «Аль-Каиды») – состоит из трех параграфов и посвящена практическому подтверждению основных

гипотез диссертации. Автор провел статистическое обследование, охватившее 1400 произвольных выборок в семи арабских странах (Сирия, Иордания, Ирак, Палестина, Йемен, Египет и Алжир).

В первом параграфе - «Анализ дискурса исламских фундаменталистских движений» (на примере «Аль-Каиды») – анализируются образцы дискурса группировки «Аль-Каида». Это три выступления лидера этой организации Усамы бен Ладена - в 2001, 2003 и 2009 гг. Главное внимание уделено аспектам, касающимся насилия, к которому призывают эти выступления, тому, как эти призывы вставляются в религиозно-политический контекст, озвучиваются на фоне рассуждений о социально-экономической и политической ситуации.

Проанализировав названные три выступления, автор приходит к выводу, что дискурс «Аль-Каиды» обосновывает идею насилия путем ее увязки с понятием джихада, нацеленного на достижение «исламского интернационала». Из данного параграфа делается заключение, что исламский фундаменталистский дискурс – это в первую очередь джихадистский дискурс, причем джихад, проповедуемый этим дискурсом, распространяется не только на неисламский мир, но и на мусульманские страны.

Автор исследует пропагандистские приемы «Аль-Каиды», используемые ею для распространения своих идей и привлечения новых сторонников. Обнаруживается, что в настоящее время у исламских фундаменталистских движений преобладает увязывание идеи насилия с отношением ко всем социальным, политическим, экономическим и иным проблемам. Фундаменталистский дискурс эксплуатирует разнообразные кризисы, особенно те из них, которые связаны с дурным государственным управлением, провалом планов социально-экономического развития, неспособностью властей отстоять независимость своих государств. Все это подчас позволяет фундаменталистам приобретать «легитимность» в глазах аудитории. Иначе говоря, использование разнообразных кризисов и народного недовольства часто снабжает «сырьем» машину религиозно-политической пропаганды. Фундаменталистский дискурс зачастую отвергает существующую действительность, обращаясь к историческому наследию, изображая прошлое как эпоху, свободную от пороков современности. Благодаря этому такой дискурс оказывается приемлемым для широких слоев населения современных арабских стран.

Полевое обследование, нацеленное на выявление уровней поддержки «Аль-Каиды», показало, что массовые симпатии к этой организации нарастали в те периоды, когда имели место крупные события, связанные с действиями США против арабских и иных мусульманских стран, и ослабевали в более стабильные времена. Так, доля поддерживающих «Аль-Каиду» заметно возросла после событий 11 сентября 2001 г., а также после американского вторжения в Ирак в 2003 г. и после израильской войны против Южного Ливана в 2006 г.

Чтобы обосновать этот вывод, автором было проведено сравнительное исследование уровней поддержки организации «Аль-Каида» в арабском мире в разные годы: в 2001 г. (год событий 11 сентября), в 2003 г. (год американского вторжения в Ирак) и в 2006 г. (год израильской войны в Южном Ливане), а также в другие годы (2005, 2007 и 2009), когда не было заметных событий или крупных посягательств со стороны США и Израиля. Результатом этого сравнения стал вывод о наличии устойчивой корреляции между процентом сочувствующих «Аль-Каиде» и насилием, чинимым Соединенными Штатами и Израилем в отношении мусульман.

Исследование специфики пропагандистской методики «Аль-Каиды» привело автора к выводу о том, что одной из важнейших составляющих деятельности исламских фундаменталистских группировок вообще и их борьбы против инакомыслия в частности является религиозно-политический аспект насилия. Это наглядно проявляется в том, как эти группировки постоянно настаивают на своей легитимности и нелегитимности тех, кто с ними не согласен. Этот прием стал излюбленным средством достижения провозглашаемых ими целей. Такой дискурс адресуется в первую очередь той аудитории, которая психологически, социально-экономически и политически подготовлена к его восприятию, в том числе и к восприятию насильственных по духу и содержанию планов и действий. Это, в свою очередь, тесно связано с готовностью «Аль-Каиды» использовать доведенное до предела массовое недовольство теми или иными кризисными ситуациями и с оказанием ею постоянного давления на умы и сердца аудитории. Благодаря этому расширяется почва для восприятия дискурса, связанного с насилием. Более того, насилие изображается в качестве легитимного средства, соответствующего моральным ценностям и религиозным установлениям.

Исходя из этого, автор полагает, что информационный дискурс «Аль-Каиды», пытающийся объявить насилие «законным правом» и правомерным средством достижения целей, обладает достаточной эффективностью. В то же время этот дискурс предполагает «единство упований и действий», сочетает простоту, доступность и повторы очевидных вещей, влияющих на умы аудитории, с твердой убежденностью в том, что поставленные цели будут достигнуты, поскольку они сформулированы в священных текстах.

Второй параграф третьей главы, озаглавленный «Факторы, способствующие воздействию «Аль-Каиды» на аудиторию», посвящен исследованию причин массовых симпатий к «Аль-Каиде». Здесь автор исследует взаимозависимость между насилием, осуществляемым фундаменталистскими группировками, и двумя переменными: это, во-первых, показатели экономического развития, а во-вторых – уровни национального единства и интеграции. В своей совокупности эти переменные дают представление о многих социально-экономических и политических показателях. Исследовав эту взаимосвязь при опоре на ряд статистических

программ, в первую очередь SPSS, автор приходит к выводу о том, что решающим фактором, ориентирующим политическое сознание на использование насилия, обычно являются культурные и идеологические принципы и ценности. Отдельные индивиды или группы людей приобретают поведенческие ориентиры, связанные с применением или неприменением насилия, в зависимости от культуры, сложившейся в индивидуальной или коллективной психологии, от общественного сознания вообще и политического в частности. Следовательно, появление и нагнетание феномена насилия объясняются несоответствием между этими предпосылками (которые сами по себе нейтральны) и тем, как преломляются и влияют связанные с ними культурные традиции.

К этому следует добавить, что вероятность вступления индивидов в ряды исламистских фундаменталистских движений и согласие присоединиться к осуществляемому ими насилию зависят еще и от того климата, тех условий, которые выдвигают на передний план задачу преобразования общества. В случае современного арабского государства политический и социально-экономический регресс ведет к опасному размежеванию в обществе, а это размежевание, в свою очередь, приводит к возникновению феномена насилия в социальном пространстве.

Иначе говоря, социальная люмпенизация обычно становится плодородной почвой для внутренней готовности к иррациональному поведению в отношении различных проблем, с которыми человеку приходится сталкиваться. Люмпенизация тех или иных общественных слоев прямо и косвенно приводит к их психологической и ментальной деградации, а следовательно – подготавливает их к восприятию как разнообразных социальных пороков, так и идеологического влияния вообще и радикальных идей в частности. Люмпенизированные сообщества, члены которых вынуждены жить в дурных социальных и экономических условиях, в наибольшей степени готовы к усвоению всевозможных форм и инструментов насилия, а также к восприятию разного рода радикальных и фундаменталистских идей.

В этом разделе делается вывод о том, что общественно-политические предпосылки, способствующие распространению насилия, в целом можно связать с содержанием и масштабами структурных кризисов, переживаемых современным арабским государством. Это, в частности, и отсутствие демократических норм и мирной передачи власти, и отказ от партийно-политического плюрализма, и слабость гражданского общества. Здесь же следует упомянуть традиции неадекватного применения силы для противодействия любым формам политического протеста, воспринимаемого как угроза существующей власти. В первую очередь склонность к чрезмерному использованию силы отражает структурную слабость государства, неадекватность или отсутствие стратегического видения того, как следует подходить к разрешению политического кризиса государства, т.е.

к созданию стабильной политической системы, позволяющей осуществлять эффективное руководство делами государства и общества.

Проведенное полевое обследование подтвердило эти выводы. Как показал опрос, в тех странах, где зафиксировано наибольшее число актов насилия (Ирак, Палестина, Йемен, Алжир), отсутствует стабильность, показатели социально-экономического развития низки, а граждане не удовлетворены своим материальным положением, не ощущают политической стабильности и не чувствуют, что в полной мере пользуются фундаментальными политическими, экономическими и социальными правами. В этих же странах опрос выявил высокий уровень симпатий к «Аль-Каиде» и поддержки осуществляемых ею насильственных действий. Наоборот, в странах, где зафиксированы более высокие уровни развития, а население живет в лучших жизненно-бытовых условиях (Иордания, Сирия), процент жителей, симпатизирующих «Аль-Каиде» и поддерживающих насилие, невелик.

В завершение этого параграфа автор приходит к выводу о том, что благодаря названным факторам насилие превращается в «легитимный» метод в глазах масс, стремящихся изменить свое положение и добиться своих целей. Не обходится это и без действенного влияния «Аль-Каиды». Вместе с тем методика насилия главным образом пользуется одобрением в тех регионах, где имеют место кризисы и напряженность, где люди недовольны своим положением. Именно в силу этого они приобретают готовность к применению насилия в различных его формах. Особенно ярко это проявляется там, где политические события оказывают серьезное давление на разум и чувства, на общественное сознание и национальные интересы.

В третьем параграфе, озаглавленном «Перспективы феномена насилия у современных исламских фундаменталистских движений», дается оценка вероятной будущности фундаменталистского насилия в арабских странах. Автор исходит из того, что нарастание феномена терроризма в современном арабском мире связано с наслоением трех исторических пластов, которые на фоне тотального кризиса современного арабского государства и провала планов развития и модернизации привели к «интеграции» исламского радикализма как искаженной реакции на насилие «светского» и «теократического» деспотизма. Эти три исторических пласта сопряжены с тремя крупными явлениями современной истории: колониальным захватом, «холодной войной» и распространением либеральной идеологии¹¹. Все эти три явления имеют западное (евро-американское) происхождение и всемирные масштабы. Становление современного арабского государства и его различных социальных, политических и идейных сил связано с указанными явлениями, которые

¹¹ Аль-Джаноби М.М. Безумие священного террора. Фундаментализм без фундамента. – Багдад, 2006, с.97-121. (на арабск.яз.).

прямо или косвенно повлияли на формирование политических систем и властных механизмов этого государства.

Взаимосвязь между феноменом насилия и социальными, экономическими и культурными факторами предопределяется характером политической системы, культурой вообще и политической культурой в частности. Подлинной «повивальной бабкой» радикализма и экстремизма является культурный упадок. Дело здесь не только в том, что такой упадок снабжает поверхностное сознание всеми легко усваиваемыми формулами и символами, но и в том, что он усиливает иллюзии изгоев общества и малограмотных людей, притягивая их духом насилия и разрушения. В этом заключен секрет значительной способности и высокой степени готовности современных исламских фундаменталистских течений к тому, чтобы порочить, профанировать ценности разумной умеренности. В свою очередь, данное обстоятельство свидетельствует о слабости рационалистической культуры и ничтожестве или полном отсутствии критического менталитета в современном арабском государстве, т.е. о том общем, что объединяет арабские политические режимы и радикальных исламских фундаменталистов. Благодаря этим двум источникам накапливаются ценности современного фундаментализма как практического воплощения «безумия священного террора», т.е. различных видов, форм и уровней организованного насилия.

В этом параграфе делается вывод о том, что нарастание организованного и спонтанного насилия в современном арабском государстве представляет собой, с одной стороны, оборотную сторону тотального упадка, а с другой – отражение упадка самой исламской фундаменталистской идеи. И то, и другое свидетельствует о том, что светский националистический радикализм и традиционные режимы зашли в тупик, а их попытки дать разумный и приемлемый для большинства образец модернизации и всеобъемлющего развития закончились полным провалом. Если не будет воплощена в жизнь достойная альтернатива, социальные, политические и экономические факторы будут содействовать разрушению сознания, а следовательно – его ориентированию в направлении религиозного экстремизма как наиболее близкого к настроениям масс варианта.

Автор приходит к тому, что наличествует органическая зависимость продолжения насилия от сохранения ситуации материального и морального упадка, государства, общества и культуры. Если эту ситуацию не преодолеть, то структурный кризис государства, общества и сознания будет способствовать расширению базы насилия и умножению его форм. Ведь социальное насилие существует не само по себе; оно не доходит до разрушения социального бытия индивидуумов, социумов и всего общества и государства в целом, если не становится главной составной частью политического насилия. Следовательно, возможно и необходимо «начать

диалог» с фундаменталистскими движениями, вовлекая их в политический процесс.

В *заключении* обобщается содержание работы, приводятся важнейшие выводы, даются теоретические и практические рекомендации относительно того, как следует противодействовать насилию в современном арабском государстве.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

А) публикации в изданиях ВАК:

1. Ашвак Аббас. Стратегические аспекты «Ближнего Востока» и проблемы новой международной системы. // Вестник РУДН, Серия "Политология": - 2008. №-1. (0,5 п.л.)
2. Ашвак Аббас. Ближний Восток в американской политике // Вестник РУДН, "Политология": - 2007. №- 4. (5 п.л.)
3. Ashwaq Abbas. The Reform In The Arab World And The crux of The Rational Integral for National And International Interests: // Historical studies magazine - Damascus University- 2005, (0,7. п.л.)
4. Ashwaq Abbas. The Economic Reform in Syria: // Economic studies magazine - Damascus University- 2005, (1,5 п.л.)

Б) публикации в прочих изданиях:

5. Ашвак Аббас. Роль исследовательских центров в выработке американской политики в отношении Ирака // Ежегодник «Арабские исследования», -М. Изд - во РУДН. 2009. №1. (0,3 п.л.) (на араб. яз.).
6. Ашвак Аббас. Предпосылки насилия и его причины в современном арабском государстве. // Журнал «Brave Minds». -Оттава, Канада.- 2009.- № 25-26 (0,4 п.л.) (на араб. яз.).
7. Ашвак Аббас. Базисный кризис в современном арабском государстве. // Журнал "аль-Димукратыйя" Центра стратегических исследований "аль-Ахрам".- Каир.- 2006. №24. (1,5 п.л.) (на араб. яз.).
8. Ашвак Аббас. Реформирование и реконструкция национального государства в арабском мире". // Журнал "аль-Димукратыйя" Центра стратегических исследований "аль-Ахрам".- Каир.- 2008. №32. (1,5 п.л.) (на араб. яз.).
9. Ашвад Аббас. Реформирование в арабском мире. // Журнал "аль-Димукратыйя" Центра стратегических исследований "аль-Ахрам",- Каир.- 2007. №28. (1,5 п.л.) (на араб. яз.).
10. Ашвад Аббас. Возникновение и развитие современных арабских политических течений. // Журнал "аль-Димукратыйя" Центра стратегических исследований "аль-Ахрам", -Каир.- 2007. №27. (0,8 п.л.) (на араб. яз.).

Аннотация

Ашвак Аббас (Сирия)

Насилие в политическом дискурсе фундаменталистских движений в современном арабском мире

Исследование посвящено научному анализу механизма использования идеи насилия в политическом дискурсе и практике исламских фундаменталистских движений в современном арабском государстве.

В диссертации анализируется идеология и социально-политическая практика фундаменталистских движений вообще и организации «Аль-Каида» в качестве примера – в частности. В ней особое внимание уделяется анализу понятия насилия в современной политической мысли; сущности исламского фундаментализма и исторических предпосылок его возникновения; особенностей и уровней насилия у фундаменталистских движений (на примере «Аль-Каиды»); перспектив феномена насилия у современных исламских движений.

Abstract

Ashwaq Abbas

Violence in the political discourse of the fundamentalist movements in the contemporary Arab world

The study presents a scientific analysis of the mechanism of the idea of violence in the political discourse and practice of Islamic fundamentalist movements in the modern Arab state.

The dissertation examines the ideology and socio-political practice of fundamentalist movements in general and al-Qaida as an example - in particular. It focuses on the analysis of the concept of violence in modern political thought, the essence of Islamic fundamentalism and the historical background of its origin, characteristics and levels of violence by fundamentalist movements (for example, "Al-Qaida"); prospects for the phenomenon of violence in contemporary Islamic movements.

ЗАО «Издательство ИКАР»

Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Тел.: 936-83-28, тел./факс: 330-89-77

Формат 60x84/16. Гарнитура «Times».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № 40.

2,15 усл. печ. л. Тираж 100 экз.